

циональной метрической системой — раешным стихом, древность которого несомненна. Мои подсчеты показывают, что удельный вес различных клаузул — мужских, дактилических и гипердактилических — в раешных памятниках и памятниках «досиллабических» примерно одинаков,⁶ в отличие от поздней классической силлабики. В авторском и читательском художественном сознании «досиллабическая» поэзия существовала как явление, сопоставимое с поэзией райка. Другая словесная конструкция, которая шла в расчет, — современные прозаические тексты, обильно использовавшие суффиксально-флексивные рифмы и коренные рифмоды (Авраамий Палицын, «Иное сказание», «Новая повесть» и др.).⁷ Обращаясь к жанровой характеристике «досиллабического» стихотворства, мы замечаем влияние элементов системы раешник—рифмованная проза — южнорусская и польская поэзия, в которую оно входило.

Самый представительный жанр этого периода — послание, эпистолия. В этом жанре подвизаются С. И. Шаховской,⁸ Савватий и другие авторы. Сохранились сборники, почти сплошь составленные из стихотворных эпистолий (ЦГАДА, собр. Оболенского, № 250/455). Они сразу и прочно вошли в письмовники и титулярники, соседствуя с произведениями старшей традиции — прозаическими и пародийными раешными посланиями.⁹ Замечу впрочем, что раздел о стихотворных посланиях включался и в поэтики, хотя с оговорками, так как обычно о них говорилось в курсе риторики.¹⁰

Другой заметный жанр поэзии досимеонова периода — обличительный, антиеретический (И. А. Хворостинин и Иван Наседка). Судя по традиционным формам обработки и подачи материала, авторы стихотворных обличений католиков и протестантов ориентировались на русскую (и украинскую, особенно острожской школы) прозаическую богословскую полемику (стихи Наседки вкраплены в прозаический текст). Стоит упомянуть, что их польские и южнорусские предшественники и современники хорошо освоили полемическое стихотворство,¹¹ хотя полемика есть область риторики. Впрочем, как утверждала тогдашняя схоластическая теория, нет ничего такого в поэтике, что не могло бы рассматриваться в элоквиции.

⁶ А. М. Панченко. О рифме и декламационных нормах силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Теория стиха, стр. 285—286.

⁷ В предлагаемой статье я не могу заняться критикой теории о «самозарождении» русского стиха в прозе начала XVII в. (ср.: А. М. Панченко. Книжная поэзия Древней Руси. — В кн.: История русской поэзии, т. 1, М.—Л., 1968). Открытие О. А. Белобровой стихотворение Евстратия еще раз доказывает полную несостоятельность этой теории. Вообще эволюционистские концепции в применении к поэзии XVII в. только вредят делу.

⁸ Ср., например: И. Ф. Голубев. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 361—413.

⁹ А. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия, стр. 5; А. С. Демин. Демократическая поэзия в письмовниках и сборниках виршевых посланий. — В кн.: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы (ТОДРА, т. XXI), М.—Л., 1965, стр. 74—75.

¹⁰ Вот подходящие к случаю цитаты из киево-могилянских поэтик конца XVII в.: «Хотя по своему источнику письмо относится к риторам (ибо в нем должно быть выражение ораторское), однако по школам возымел силу обычай..., чтобы ... о нем преподавалось в поэзии»; «Ничто почти так не занимает души смертных, особенно в этот век, как письмо, хотя оно постоянно было и находится в употреблении. Тот особенно и почитается за ученого, кто хорошо умеет написать письмо» (Н. И. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. — Труды Киевской духовной академии, 1868, № 3, стр. 497—498).

¹¹ См.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.—Л., 1962, стр. 139—141.